

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(1): 536-546
 DOI: 10.13187/bg.2022.1.536

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Literacy of the Rural Population of the Altai District in the Pre-Revolutionary Period (based on the materials of the All-Russian Agricultural Census of 1917)

Viktor N. Razgon ^{a,*}, Dmitry N. Belyanin ^b, Anton V. Razgon ^c

^aAltai State University, Russian Federation

^bT.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Russian Federation

^cFinancial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

Based on the analysis of the materials of the agricultural census of 1917, the literacy of the rural population of the Altai District is studied in the article.

The mass migration movement to Siberia was a factor contributing to the increase of literacy of the rural population of the region. But during the initial adaptation period, the opportunity for migrant children to receive primary education decreased. The gap in the level of literacy between men and women was narrowing in the new generations of the rural population, but on the eve of the revolution of 1917, patriarchal ideas about the social role of women still dominated in the village, especially among old-timers peasants. During the census, the lowest level of literacy was recorded among members of households with a small crop, and the highest level – in wealthy peasant families, actively involved in the process of economic modernization that took place in the Russian Empire at the beginning of the XX century. The population of households without crop area was more literate than members of households with small crop and middle peasants due to the presence in it, in addition to rural proletarians, persons engaged in handicrafts, trade, and intellectual professions. The literacy level of the rural population of the Altai District corresponded to the initial stage of modernization of traditional society.

Keywords: literacy, primary education, rural population, peasantry, database, agricultural census, Altai District, Siberia.

1. Введение

В России к 1917 г. не было введено всеобщее начальное образование, поэтому уровень грамотности является важнейшим показателем характеристики социокультурного облика населения в целом и отдельных социальных групп, сословий и классов, его составляющих. Изменения в уровне грамотности характеризуют интенсивность модернизационных процессов, происходивших в Российской империи в начале XX века, в том числе и на окраинных ее территориях.

В данной статье определяется уровень грамотности сельского населения Алтайского округа – наиболее развитой в сельскохозяйственном отношении части Томской губернии. Алтайский округ являлся одним из основных районов водворения переселенцев, направлявшихся из европейской части в восточные районы империи в конце XIX – начале XX вв., что предоставляет возможность для определения влияния массовых переселений на уровень грамотности населения и развитие начального образования в Сибири.

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

2. Материалы и методы

Источниковую основу для написания статьи составили материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Хотя перепись имела экономический и демографический характер, ее данные могут использоваться также и для изучения социокультурных процессов, происходивших в стране в начале XX столетия. Важное значение для характеристики социокультурного облика крестьянства имеют содержащиеся в анкетах переписи данные об уровне грамотности. При проведении переписи уровень грамотности всех вносимых в подворную анкету членов семьи определялся по четырем критериям: «умеет читать и писать», «умеет читать», «учащийся», «неграмотный». К грамотному населению были отнесены первые три категории, т.е. грамотными считались также и те, кто в действительности являлся полуграмотным (малограмотным), – лица, не умевшие писать, дети с незаконченным начальным образованием.

Для структуризации информации, содержащейся в подворных анкетах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., авторами использовались методы и технологии баз данных. База данных, используемая для написания данной статьи, создана на основе обработки подворных анкет переписи и включает статистическую информацию об экономическом, социокультурном и демографическом состоянии 4 072 старожильческих домохозяйств, 2 714 домохозяйств мигрантов, водворившихся в Алтайский округ в период столыпинских переселений (1907–1917 гг.), и 4 850 хозяйств переселенцев более раннего времени, анкеты которых были отобраны на основе случайной 5-процентной выборки из общего числа сохранившихся анкет переписи ([Крестьянские хозяйства, 2009](#)).

Для определения уровня грамотности различных поселенческих и половозрастных групп сельского населения, зависимости уровня грамотности от экономического благосостояния крестьянских семей авторами использовались методы компьютеризованного статистического анализа иной, помимо сведений о грамотности, содержащейся в базе данных информации о демографическом и экономическом состоянии домохозяйств: поселенческом статусе, половозрастном составе, размерах посевов и др. Для выявления различий в уровне грамотности разных поселенческих, половозрастных и имущественных групп населения алтайской деревни применялся сравнительный метод.

3. Обсуждение

В дореволюционный период оценка политики царского правительства в области просвещения варьировалась от ее идеализации в официальной историографии ([Куломзин, 1898](#); [Линьков, 1912](#)) до критики в работах авторов революционно-демократического и либерального направлений. Авторы, принадлежавшие к либеральному направлению общественной мысли, выступали за развитие агротехнического образования в Сибири, способного стать катализатором модернизации сельскохозяйственного производства в регионе, введение доступного всеобщего начального образования, что связывалось с реализацией проектов введения земства в Сибири ([Шольц, 1903](#); [Малиновский, 1910](#)). В работах публицистов революционного направления политика царского правительства в области образования в Сибири оценивалась как антинародная, предлагалось введение всеобщего начального образования, расширение сети образовательных учреждений других ступеней, ликвидация церковных школ ([Чудновский, 1892](#)).

В советской период, хотя и в рамках идеологизированного подхода, обусловленного господством марксистской идеологии, был введен в научный оборот ценный источниковый материал по истории развития начального образования в Сибирском регионе ([Шамахов, 1957](#); [Панчуков, 1959](#); [Зверева, 1983](#)). Подробная характеристика советской историографии проблемы просвещения сибирского крестьянства представлена в специальной статье К.Е. Зверевой ([Зверева, 1988](#)).

В современной историографии политика в сфере образования рассматривается в контексте модернизационных преобразований, проводившихся царским правительством в начале XX столетия, как составной части вызванных ими социокультурных изменений ([Брукс, 1993](#); [Сапрыкин, 2009](#); [Сысоева, 2010](#); [Войтеховская, 2011](#); [Magsumov, 2014](#)). Возрос интерес исследователей к изучению специфики развития начального образования в различных регионах Российской империи ([Гач, 2011](#); [Цысь, Цысь, 2011](#); [Natolochnaya et al., 2016](#); [Cherkasov et al., 2020](#); [Magsumov, Zulfugarzade, 2020](#); [Varabash et al., 2021a](#); [Varabash et al., 2021b](#)).

В сибиреведческой исторической литературе оценивается влияние массового переселения крестьян из европейской части страны в Сибирь на повышение грамотности населения региона ([Зверева, Зверев, 1992](#)), исследуются книжная культура сельского населения ([Тимофеева, 2012](#)), роль православной церкви в повышении грамотности и развитии народного образования в регионе ([Гизей, 2004](#); [Харченко, 2005](#)). Появляются монографические исследования, содержащие целостный анализ истории распространения грамотности, развития школьного образования и книжной культуры крестьянского населения Сибири в конце XIX – начале XX вв. ([Зверева, Зверев, 2013](#)).

Вместе с тем исследователями недооценен эвристический потенциал сельскохозяйственной переписи 1917 г. для изучения социокультурных характеристик крестьянского населения, в том числе уровня грамотности и распространения начального образования, влияния на них массовых

миграций, социально-экономических и демографических процессов, происходивших в деревне в начале XX века.

4. Результаты

Анализ представленных в [Таблице 1](#) сравнительных данных переписи 1917 г. о грамотности взрослого сельского населения Алтайского округа, принадлежавшего к разным поселенческим группам, показывает, что наибольшим этот показатель был у недавних переселенцев, прибывших на Алтай в период столыпинских переселений – 33,8 %, у переселенцев более раннего времени составлял 25,6 %, а самый низкий уровень грамотности был зафиксирован у сельчан-старожилов – 19,5 %.

Таблица 1. Уровень грамотности сельского населения Алтайского округа, принадлежавшего к разным поселенческим группам ([Крестьянские хозяйства, 2009](#))

Группа населения	Старожилы		Переселенцы второй пол. XIX в. – 1906 г.		Переселенцы столыпинского периода (1907–1917 гг.)		Все поселенческие группы	
	Грамотные	Неграмотные	Грамотные	Неграмотные	Грамотные	Неграмотные	Грамотные	Неграмотные
Мужчины старше 18 лет	32,9	67,1	43,1	56,9	54,0	46,0	41,3	58,7
Женщины старше 18 лет	6,4	93,6	7,3	92,7	10,6	89,4	8,0	92,0
Взрослое население в целом	19,5	80,5	25,6	74,4	33,8	66,2	25,0	75,0

Различие в уровне грамотности переселенцев и старожилов отражает более высокий уровень развития начального образования в Европейской России, поскольку значительная часть учтенного при проведении переписи взрослого переселенческого населения прошла обучение грамоте на родине. Имело значение и то, что в переселенческих семьях, как правило, было больше мужчин, чем в старожиловских, а грамотность мужского населения была выше уровня грамотности женщин. В целом это означает, что массовое переселенческое движение способствовало повышению общего уровня грамотности населения региона. Более высокий показатель грамотности столыпинских переселенцев по сравнению с мигрантами более раннего времени ([Таблица 1](#)) отражает ускорение развития начального образования в Европейской России в начале XX века, обусловленное увеличением финансирования и проведением мероприятий, связанных с подготовкой к реализации проекта введения всеобщего начального образования ([Сапрыкин, 2009: 56-57](#)).

Вместе с тем следует отметить, что в связи с медленным формированием сети школьных учреждений в местах массового водворения переселенцев-новоселов, доля учащихся среди детей школьного возраста (от 8 до 14 лет) у мигрантов столыпинского периода была меньше, чем у старожилов и более ранних переселенцев: 11,4 % против соответственно 14,1 и 15,7 %. Более низкими у детей столыпинских переселенцев являются и другие показатели, характеризующие уровень детской грамотности: доля умеющих «читать и писать» и «читать» ([Таблица 2](#)).

Это означает, что для детей мигрантов на этапе первоначальной адаптации переселенческих семей на новых местах жительства переселение в Сибирь означало сокращение возможностей в получении образования не только по сравнению с теми, что они имели на родине, но и сравнительно с общесибирскими условиями.

Уровень грамотности алтайских крестьян к 1917 г. возрос в три раза со времени Первой всеобщей переписи населения в Российской империи, проведенной в 1897 г., когда в Томской губернии, в территорию которой входил Алтайский округ, среди всего сельского населения грамотных было лишь 8,5 %, а среди «лиц сельского состояния» (крестьян и казаков) – 7,8 % ([Зверева, Зверев, 2013: 55](#)). Однако по уровню грамотности сибирские регионы еще значительно уступали Европейской России, где уровень грамотности сельского населения в возрасте 10 лет и

старше в 1917 г. достигал 37,4 % (Миронов, 1991: 81), а охват начальным обучением детей школьного возраста, проживавших в сельской местности, по данным на 1911 г., составлял 28,3 %. Министерство народного просвещения предполагало к 1920 г. в 34 губерниях европейской части Российской империи ввести всеобщее начальное образование (Россия..., 1995: 343-344).

Таблица 2. Доля грамотных и учащихся среди детей школьного возраста (8–14 лет) в разных поселенческих группах сельского населения Алтайского округа (Крестьянские хозяйства, 2009)

Категории грамотности	Старожилы	Переселенцы второй пол. XIX в. – 1906 г.	Переселенцы столыпинского периода (1907–1917 гг.)	Всего
Учащиеся, в том числе:	14,1	15,7	11,4	14,0
мальчики	18,1	20,4	15,3	18,1
девочки	9,9	11,0	7,4	9,7
Умеют читать и писать, в том числе:	9,2	9,7	8,4	9,1
мальчики	13,3	14,2	10,3	12,7
девочки	4,8	5,3	6,5	5,4
Умеют читать, в том числе:	1,2	1,3	1,1	1,2
мальчики	1,8	1,5	1,6	1,6
девочки	0,5	1,1	0,6	0,8
Неграмотные, в том числе:	75,5	73,3	69,2	75,7
мальчики	66,8	63,9	72,8	67,6
девочки	84,8	82,6	85,5	84,1

Учет гендерного аспекта при определении уровня грамотности алтайского крестьянства показывает, что во взрослом населении всех поселенческих групп доля грамотных женщин была в 5 раз меньше, чем обученных грамоте мужчин (Таблица 1), а у детей в возрасте от 8 до 14 лет удельный вес грамотных среди девочек был в два раза меньше, чем среди мальчиков (Таблица 2).

Таким образом, несмотря на тенденцию к сокращению разрыва между мужской и женской грамотностью в новых поколениях, в целом в крестьянской среде продолжали преобладать патриархальные воззрения на роль женщины как домохозяйки, жены и матери, поэтому образование подавляющего большинства девочек сводилось к передаче им прикладных знаний по ведению домашнего хозяйства (84 % девочек школьного возраста к 1917 г. были неграмотными). Особенную живучесть они сохраняли в старожильской деревне.

Хотя в целом широкое использование труда детей в сельскохозяйственных работах отвлекало их от занятий в школе, анализ материалов базы данных не позволяет судить о значительной зависимости между показателями, характеризующими уровень детской грамотности и занятость детей в полевых работах. Так, 27,2 % мальчиков в возрасте от 10 до 14 лет, которые были учтены при проведении переписи как учащиеся, привлекались в своих семейных хозяйствах к посевным работам, а 34,3 % – к уборке урожая, тогда как среди мальчиков этой же возрастной группы, учтенных как неграмотные (не посещавшие школу и не владевшие азами грамоты), доля участвовавших в сельскохозяйственных работах была лишь немногим выше: по указанным видам работ она составляла соответственно 28,3 и 36,6 %. Ограниченность влияния привлечения детей к сельскохозяйственным работам в качестве фактора, снижавшего их охват школьным образованием, определялась сезонностью сельскохозяйственных работ, проведение которых не совпадало со временем учебного процесса.

Наиболее трудно осознание необходимости обучения детей в школе утверждалось в районах распространения сезонных промыслов, требовавших использования подросткового труда зимой, в учебное время (Зверева, Зверев, 2013: 52). Так, все учтенные в ходе переписи подростки в возрасте от

12 до 17 лет, занятые в охотничьем промысле, были неграмотными. В целом лишь 14,3 % мальчиков и подростков в возрасте от 11 до 17 лет, у которых в анкетах переписи было отмечено их участие в добывающих промыслах (охота, рыболовство, сбор кедровых орехов), были грамотными или обучались в школе. С другой стороны, почти 2/3 мальчиков и подростков в возрасте от 10 до 17 лет (62,8 %), принимавших участие в обрабатывающих промыслах (кузнечном, маслодельном, мукомольном, кожевенном, деревообрабатывающих и др.), были грамотными или учащимися, что в 1,5 раза превышает соответствующий показатель по этой половозрастной группе среди лиц, не занятых в промыслах (40,7 %). Это объясняется как более высоким уровнем зажиточности семей крестьян-ремесленников и мелких товаропроизводителей, так и востребованностью навыков письма и счета во многих обрабатывающих промыслах. В целом вовлеченность в кустарные обрабатывающие промыслы являлась фактором, повышавшим уровень грамотности не только взрослого сельского населения, но и привлекаемого к участию в них подрастающего поколения.

Таблица 3. Уровень грамотности членов домохозяйств разных посевных групп (Крестьянские хозяйства, 2009)

	Группа хозяйств по посеву						Взрослое население			Дети школьного возраста (8–14 лет)								
	От 12 до 25 дес.	От 4 до 12 дес.	До 4 дес.	Без посева	мужчины		женщины		в целом		мальчики	девочки		в целом				
					грамотные	неграмотные	грамотные	неграмотные	грамотные	неграмотные		грамотные	учащиеся		неграмотные	грамотные	учащиеся	неграмотные
46,6	38,8	37,8	39,2	37,8	62,2	6,9	88,0	25,6	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
53,4	61,2	62,2	60,8	62,2	6,9	93,1	25,6	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3	77,7
9,4	6,4	6,9	12,0	6,9	93,1	22,3	88,0	25,6	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
90,6	93,6	93,1	88,0	93,1	22,3	77,7	25,6	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3	77,7
28,6	23,0	22,3	25,6	22,3	77,7	10,2	88,0	25,6	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
71,4	77,0	77,7	74,4	77,7	10,2	14,9	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
18,9	13,8	10,2	11,7	10,2	14,9	74,9	11,7	15,8	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
21,3	17,4	14,9	15,8	14,9	74,9	5,4	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
59,8	68,8	74,9	72,5	74,9	5,4	8,8	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
7,8	5,2	5,4	8,4	5,4	8,8	85,8	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
11,8	7,9	8,8	11,7	8,8	85,8	7,8	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
80,4	86,9	85,8	79,9	85,8	7,8	11,8	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
13,5	9,6	7,8	10,0	7,8	11,8	80,4	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
16,7	12,7	11,8	13,7	11,8	11,8	77,7	74,4	11,7	74,4	11,7	15,8	72,5	8,4	11,7	79,9	10,0	13,7	76,3
69,8	77,7	80,4	76,3	80,4	77,7													

Все домо- хозяйства	Более 25 дес.
41,3	54,9
58,7	45,1
8,0	12,9
92,0	87,1
25,0	34,7
75,0	65,3
14,3	20,2
18,1	26,2
67,6	53,6
6,2	9,7
9,7	17,6
84,1	72,7
10,3	15,3
14,0	22,2
75,7	62,5

Как показывают данные [Таблицы 3](#), самый низкий уровень грамотности в ходе переписи был зафиксирован среди взрослого и детского населения группы бедняцких малопосевных хозяйств (с посевом до 4 дес.). Семьи крестьян-бедняков, являвшиеся, как правило, менее людными и имевшие более низкий уровень капиталовооруженности производственных занятий (обеспеченности рабочими лошадьми и усовершенствованным сельхозинвентарем в расчете на одного работника) (см.: [Разгон и др., 2013: 271](#)), чем зажиточные, зачастую не могли обойтись в своем домохозяйстве без систематического использования детского труда, а низкий уровень доходов таких семей часто не позволял обеспечить необходимые для организации обучения детей материальные условия (купить одежду и обувь, снять жилье в селениях, в которых размещались школы). Поэтому доля грамотных и учащихся среди детей в возрасте от 8 до 14 лет в семьях с посевом до 4 дес. (19,6 %) была в 1,5 раза меньше, чем в домохозяйствах с посевом от 12 до 25 дес. (30,2 %) и в 1,9 раза меньше, чем в крупнопосевных дворах с посевом 25 и более дес. (37,5 %) ([Таблица 3](#)).

Наиболее высокий уровень грамотности был зафиксирован у членов домохозяйств (взрослых и детей) высших посевных групп, что свидетельствует не только о наличии у них материальных возможностей для получения образования, но и о большей распространенности в среде зажиточного крестьянства социокультурных ценностных мотивов, обуславливающих появление осознания необходимости обучения детей в школе. Усиление процесса формирования потребностей в образовании в высшем экономическом слое крестьянства определялось ростом вовлеченности зажиточных крестьянских хозяйств в рыночную экономику и товарно-денежные отношения, обусловленной втягиванием Сибирского региона в модернизационные процессы, происходившие в Российской империи в начале XX века.

В отдельном рассмотрении нуждаются представленные в [Таблице 3](#) данные об уровне грамотности членов семей, входящих в группу беспосевных хозяйств. Сравнительный анализ этих данных показывает, что по уровню грамотности взрослого мужского населения, мальчиков и подростков школьного возраста эта группа сельского населения превосходила группы малопосевных (до 4 дес.) и середняцких (от 4 до 12 дес.) хозяйств и уступала только группам многопосевных (от 12 до 25 дес.) и крупнопосевных дворов (засевавших свыше 25 дес. пашни). А грамотность взрослого женского населения и девочек школьного возраста выше, чем в беспосевной группе, была только в самой экономически мощной из выделенных в [Таблице 3](#) групп алтайского крестьянства – с посевом более 25 дес.

Повышенный уровень грамотности взрослого мужского и женского населения группы беспосевных домохозяйств во многом объясняется более выраженным, чем у малопосевной и середняцкой групп, преобладанием в ее составе переселенческих семей (среди хозяйств с посевом до 4 дес. старожильческие составляли 36,4 %, с посевом от 4 до 12 дес. – 32,4 %, а среди беспосевных – 27,9 %), имевших, как было показано выше, в целом более высокий уровень грамотности по сравнению со старожилами. При этом в позднеимперский период, с облегчением условий для переселения, расширился приток из Европейской России в Сибирь крестьян-бедняков, часть из которых имела опыт отходничества, работы по найму на фабриках и заводах, где могла приобрести азы грамотности.

Важным фактором, определявшим более высокий средний уровень грамотности населения беспосевной группы, по сравнению с малопосевной (до 4 дес.) и середняцкой (с посевом от 4 до 12 дес.), было также наличие в ее составе относительно многочисленной прослойки ремесленно-торгового населения: анализ сведений о промысловых занятиях, содержащихся в базе данных, показывает, что 8,4 % взрослого мужского населения в беспосевных семьях занимались кустарными обрабатывающими промыслами, а 1,9 % – были заняты в торговой сфере, тогда как в хозяйствах с посевом до 4 дес. доля взрослых мужчин, занимавшихся обрабатывающими промыслами, не превышала 5,4 %, торговлей – 0,5 %, а в хозяйствах с посевом от 4 до 12 дес. – соответственно 3,2 и 0,3 %. Между тем показатели грамотности этой прослойки мужского населения в составе беспосевных домохозяйств составляли 70,6 % (промысловиков) и 74,3 % (занятых в торговле), что существенно выше средних значений мужской грамотности по беспосевной группе (39,2 %) и сельскому населению Алтайского округа (41,3 %).

Повышенным удельным весом ремесленно-торгового населения характеризовался состав и женского населения беспосевных домохозяйств: в обрабатывающих промыслах было занято 2,2 % всех взрослых женщин, в торговле – 0,7 % (тогда как доля этих групп женского населения в домохозяйствах с посевами составляла соответственно лишь 0,3 и 0,07 %). Показатели грамотности этой группы женского населения (среди промышленников – 56,4 %, торговцев – 46,2 %) в 4–5 раз превосходили средний показатель грамотности женского населения беспосевной группы (12 %) и в 6–7 – средний показатель грамотности взрослого женского населения в целом по округу (8 %).

Относительно высокой среди населения беспосевных хозяйств была и прослойка населения с практически стопроцентной грамотностью – лиц, занятых в профессиях, связанных с умственным трудом или административным управлением (учитель, писарь, священнослужитель, фельдшер, конторщик, староста, лесничий и др.): среди мужчин – 2,5 %, женщин – 1,1 %, тогда как в хозяйствах, имевших посевы, доля данной категории населения была на порядок меньше: среди мужчин – 0,3 %, женщин – 0,07 %.

Содержащиеся в [Таблице 3](#) данные, показывающие более широкий охват школьным образованием детей, проживавших в беспосевных домохозяйствах, по сравнению с малопосевными и середняцкими семьями, отражают взаимосвязь между уровнем грамотности взрослого и детского населения, вызванную стремлением овладевших грамотой родителей предоставить возможность получения образования своим детям.

Анализ результатов переписи 1917 г. позволяет конкретизировать представление о влиянии процесса пролетаризации деревни на уровень грамотности сельского населения.

Среди сроковых (нанятых на срок более одного месяца) взрослых наемных работников мужского пола, занятых на учтенных в ходе переписи обрабатывающих предприятиях, расположенных в сельской местности, и записанных, согласно программе ее проведения, в составе домохозяйств собственников этих заведений, грамотность достигала 60 %, что 1,5 раза превышает средний показатель грамотности сельского взрослого мужского населения округа (41,3 %). Анализ показателей, полученных в результате обработки данных переписи о промысловых занятиях населения (а наем на промышленные предприятия учитывался как разновидность промыслов), показывает, что в целом среди взрослых сельских жителей мужского пола, нанимавшихся для работы в обрабатывающих производствах, горной промышленности, железнодорожном строительстве, грамотных было 42,9 %, что немногим превышает показатель грамотности всего сельского мужского населения округа (41,3 %).

Однако влияние процесса пролетаризации сельского населения округа как фактора повышения общего уровня грамотности ограничивалось тем обстоятельством, что основная часть пауперизованного сельского населения уходила из своих семей для работы не на промышленные предприятия, а из-за низкого уровня развития промышленности в регионе – в хозяйства других, более зажиточных крестьян. А грамотность данной категории сельских пролетариев находилась на более низком уровне, чем грамотность тех, чье раскрестьянивание было связано с отходом для работы в промышленности. Так, среди лиц в возрасте 18 лет и старше, у которых в ходе переписи был зафиксирован в качестве промыслового занятия наем на сельскохозяйственные работы (сельхозработник, батрак, поденщик, пастух), грамотные составляли 23,3 %, в том числе среди мужчин – 33,9 %, женщин – 6,5 %, что меньше представленных в [Таблице 1](#) соответствующих средних показателей по сельскому населению: 25 %, 41,3 % и 8,0 %. Еще более низким уровень грамотности был у сроковых рабочих мужского пола, учитываемых при проведении переписи в составе домохозяйств крестьян-нанимателей и занятых преимущественно в сельскохозяйственных работах в этих домохозяйствах, – 29,4 % (в 1,4 меньше среднего показателя грамотности взрослых мужчин по округу). Лишь у сроковых работников женского пола он оказался выше среднего значения (11,5 против 8 %), из чего можно предположить, что в функции части из них, помимо работы в хозяйстве, возможно, могло входить обучение детей хозяина азам грамоты на дому.

В целом сельскохозяйственные рабочие, представлявшие самую малоимущую группу населения, имели наиболее низкий уровень грамотности среди различных социальных групп сельского населения Алтайского округа.

5. Заключение

Повышенный уровень грамотности взрослого переселенческого населения в сравнении со старожилами Алтайского округа определялся более высоким уровнем развития начального образования в Европейской России и отражал позитивное влияние массового переселенческого движения на уровень грамотности населения региона. Вместе с тем первоначальная адаптация переселенцев на новых местах жительства была сопряжена с уменьшением возможностей для детей мигрантов в получении школьного образования. Из-за нехватки учебных заведений в местах водворения переселенцев, прибывших в Алтайский округ в период столыпинских реформ, доля обучавшихся в начальной школе детей школьного возраста в данной поселенческой группе была меньше, чем у старожилов и переселенцев более раннего времени.

Зафиксированный в ходе переписи разрыв в уровне грамотности между мужским и женским населением – пятикратный среди взрослых и двукратный среди детей школьного возраста – свидетельствует, с одной стороны, о происходившем в позднеимперский период сокращения исторически сложившегося отставания в уровне грамотности женского населения, а с другой – о значительной устойчивости распространенных в крестьянской среде, в особенности среди старожил, патриархальных представлений, сводящих социальную роль женщины к выполнению функций домохозяйки и хранительницы домашнего очага.

Анализ различий в уровне грамотности социальных групп сельского населения, дифференцированных по размеру посева, показывает, что наиболее низкий уровень грамотности был характерен для группы бедняцких малопосевных домохозяйств, а самый высокий – для зажиточных многопосевных крестьянских семей, активно втягивавшихся в рыночные отношения под воздействием модернизационных процессов, происходивших в Российской империи в начале XX века. Беспосевные домохозяйства превосходили по уровню грамотности малопосевные и середняцкие из-за наличия в них относительно более многочисленной прослойки ремесленно-торгового населения и лиц умственного труда. Выше среднего значения был уровень грамотности сельских пролетариев, нанмаившихся для работы на промышленные предприятия, а наиболее низкий уровень грамотности из всех групп сельского населения имели сельскохозяйственные рабочие.

В целом грамотность сельского населения в предреволюционный период в рассматриваемом регионе была ниже, чем в Европейской России, и находилась на уровне, характерном для начального этапа разложения традиционного общества.

Литература

- Брукс, 1993** – Брукс Дж. Когда Россия научилась читать: грамотность и народная литература, 1861–1917 / Что мы читаем? Какие мы? СПб.: Рос. нац. б-ка, 1993. С. 151-171.
- Войтеховская, 2011** – Войтеховская М.П. Развитие начального образования в Западно-Сибирском учебном округе в связи с планами введения всеобщего обучения // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2011. № 4 (16). С. 134-140.
- Гач, 2011** – Гач О.Б. Развитие общего образования в Западно-Сибирском учебном округе в конце XIX – начале XX века // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* 2011. № 13 (115). С. 29-34.
- Гизей, 2004** – Гизей Ю.Ю. Церковно-приходская школа Томской епархии (1884–1917 гг.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 141 с.
- Зверева, 1983** – Зверева К.Е. Грамотность крестьянства Западной Сибири в период капитализма // *Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма.* Новосибирск: НГПИ, 1983. С. 116-128.
- Зверева, 1988** – Зверева К.Е. Советская историография проблемы просвещения крестьянства Сибири эпохи капитализма // *Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: историография проблемы.* Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. С. 171-190.
- Зверева, Зверев, 1992** – Зверева К.Е., Зверев В.А. Вклад русского крестьянства в развитие образовательного потенциала Сибири (1861–1914 гг.) / *Культурный потенциал Сибири в досоветский период: Межвуз. сб. науч. тр.* Новосибирск: НГПИ, 1992. С. 85-104.
- Зверева, Зверев, 2013** – Зверева К.Е., Зверев В.А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2013. 237 с.
- Крестьянские хозяйства** – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / Сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.
- Куломзин, 1898** – Куломзин А.Н. Потребности начального образования в Сибири. СПб., 1898. 143 с.
- Линьков, 1912** – Линьков А.И. Рост учебного дела в Восточной Сибири // *Сибирский архив.* 1912. № 7. С. 505-543.
- Малиновский, 1910** – Малиновский И.А. Сибирь и вопросы культуры // *Сибирские вопросы.* 1910. № 47. С. 13-21.
- Миронов, 1991** – Миронов Б.Н. История в цифрах. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. 168 с.
- Панчуков, 1959** – Панчуков А.П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. 512 с.
- Разгон и др., 2013** – Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.
- Россия..., 1995** – Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: Блиц, 1995. 416 с.

- Сапрыкин, 2009 – Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009. 176 с.
- Сысоева, 2010 – Сысоева Е.К. Общеобразовательная школа в России в условиях модернизации начала XX в. // *Вестник Московского университета*. 2010. Серия 8. История. № 2. С. 61-76.
- Тимофеева, 2012 – Тимофеева Ю.В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Сибпринт, 2012. 193 с.
- Харченко, 2005 – Харченко Л.Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. 510 с.
- Чудновский, 1892 – Чудновский С.Л. Школы в Сибири // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1892. № 1. С. 1-45.
- Цысь, Цысь, 2011 – Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. 305 с.
- Шамахов, 1957 – Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск: Изд-во ТГПИ, 1957. 268 с.
- Шольц, 1903 – Шольц Е.Г. Нужды сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губернии в сравнении с губерниями земскими. Красноярск, 1903. 155 с.
- Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G. The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody*. 2020. 56(2): 428-436.
- Barabash et al., 2021a – Barabash V.V, Bulgarova B.A., Poplavskaya N.V., Terechik L.B. The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 1 // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 726-737.
- Barabash et al., 2021b – Barabash V.V, Bulgarova B.A., Poplavskaya N.V., Terechik L.B. The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 2 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1233-1245.
- Magsumov, 2014 – Magsumov T.A. (2014). Main approaches to the study of historical and educational process // *Bylye Gody*. 2014. 34(4): 720-726.
- Magsumov, Zulfugarzade, 2020 – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E. The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1 // *Bylye Gody*. 2020. 57(3): 1113-1123.
- Natolochnaya et al., 2016 – Natolochnaya O.V., Kryukova N.I., Buslaev S.I. The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1): 222-228.

References

- Barabash et al., 2021a – Barabash, V.V, Bulgarova, B.A., Poplavskaya, N.V., Terechik, L.B. (2021). The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 1. *Bylye Gody*. 16(2): 726-737.
- Barabash et al., 2021b – Barabash, V.V, Bulgarova, B.A., Poplavskaya, N.V., Terechik, L.B. (2021). The Expertise in Analyzing the Regional Education Systems of the Russian Empire (based on the Articles of the International Network Center for Fundamental and Applied Research). Part 2. *Bylye Gody*. 16(3): 1233-1245.
- Bruks, 1993 – Bruks, Dzh. (1993). Kogda Rossiya nauchilas' chitat': gramotnost' i narodnaya literatura, 1861–1917 [When Russia Learned to Read: Literacy and Folk Literature, 1861–1917]. Chto my chitaem? Kakie my? SPb.: Ros. nats. b-ka. Pp. 151-171. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G. (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody*. 56(2): 428-436.
- Chudnovskii, 1892 – Chudnovskii, S.L. (1892). Shkoly v Sibiri [Schools in Siberia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1: 1-45. [in Russian]
- Gach, 2011 – Gach, O.B. (2011). Razvitie obshchego obrazovaniya v Zapadno-Sibirskom uchebnom okruge v kontse XIX–nachale XX veka [Development of general education in the West Siberian Educational District in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 13(115): 29-34. [in Russian]
- Gizei, 2004 – Gizei, Yu.Yu. (2004). Tserkovnoprikhodskaya shkola Tomskoi eparkhii (1884–1917 gg.) [Parish School of the Tomsk Diocese (1884–1917)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. 141 p. [in Russian]
- Kharchenko, 2005 – Kharchenko, L.N. (2005). Pravoslavnaya tserkov' v kul'turnom razvitiy Sibiri (vtoraya polovina XIX v. – fevral' 1917 g.): ocherk istorii [The Orthodox Church in the cultural development of Siberia (the second half of the XIX century – February 1917): an essay on history]. SPb.: Izd-vo Politekhn. un-та. 510 p. [in Russian]
- Krest'yanskie khozyaistva – Krest'yanskie khozyaistva Altaiskoi gubernii v 1917 g. [Peasant farms in the Altai province in 1917] [Electronic resource]: baza dannyykh. Sost. V.N. Razgon, D.V. Koldakov,

- K.A. Pozharskaya. Elektron. dan. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2009. – 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). № gosregistratsii 2009620044. [in Russian]
- Kulomzin, 1898** – *Kulomzin, A.N.* (1898). Potrebnosti nachal'nogo obrazovaniya v Sibiri [The needs of primary education in Siberia]. SPb. 143 p. [in Russian]
- Lin'kov, 1912** – *Lin'kov, A.I.* (1912). Rost uchebnogo dela v Vostochnoi Sibiri [The growth of education in Eastern Siberia]. *Sibirskii arkhiv*. 7: 505-543. [in Russian]
- Magsumov, 2014** – *Magsumov, T.A.* (2014). Main approaches to the study of historical and educational process. *Bylye Gody*. 34(4): 720-726.
- Magsumov, Zulfugarzade, 2020** – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E.* (2020). The System of Public Education in the Orenburg Cossack Army (1820–1917). Part 1. *Bylye Gody*. 57(3): 1113-1123.
- Malinovskii, 1910** – *Malinovskii, I.A.* (1910). Sibir' i voprosy kul'tury [Siberia and cultural issues]. *Sibirskie voprosy*. 47: 13-21. [in Russian]
- Mironov, 1991** – *Mironov, B.N.* (1991). Istoriya v tsifrakh [History in numbers]. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie. 168 p. [in Russian]
- Natolochnaya et al., 2016** – *Natolochnaya, O.V., Kryukova, N.I., Buslaev, S.I.* (2016). The development of the public education system in the Caucasus in the pre-revolutionary period (1905–1917 years). *Bylye Gody*. 39(1): 222-228.
- Panchukov, 1959** – *Panchukov, A.P.* (1959). Istoriya nachal'noi i srednei shkoly Vostochnoi Sibiri [The history of primary and secondary schools in Eastern Siberia]. Ulan-Ude: Buryatckoe knizhnoe izd-vo. 512 p. [in Russian]
- Razgon i dr., 2013** – *Razgon, V.N., Khramkov, A.A., Pozharskaya, K.A.* (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reseselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: Azbuka, 348 p. [in Russian]
- Rossiia..., 1995** – *Rossiia*. 1913 god. Statistiko-dokumental'nyi spravocchnik [Russia. 1913. Statistical and documentary reference]. SPb.: Blits, 1995. 416 p. [in Russian]
- Saprykin, 2009** – *Saprykin, D.L.* (2009). Obrazovatel'nyi potentsial Rossiiskoi Imperii [The educational potential of the Russian Empire]. M.: IIET RAN. 176 p. [in Russian]
- Shamakhov, 1957** – *Shamakhov, F.F.* (1957). Shkola Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.) [The School of Western Siberia in the late XIX – early XX century]. Tomsk, Izd-vo TGPI. 268 p. [in Russian]
- Shol'ts, 1903** – *Shol'ts, E.G.* (1903). Nuzhdy sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti v Eniseiskoi gubernii v sravnenii s guberniyami zemskimi [The needs of the agricultural industry in the Yenisei province in comparison with the Zemstvo provinces]. Krasnoyarsk, 155 p. [in Russian]
- Sysoeva, 2010** – *Sysoeva, E.K.* (2010). Obshcheobrazovatel'naya shkola v Rossii v usloviyakh modernizatsii nachala XX v. [The general school in Russia in the conditions of modernization of the beginning of the XX century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 8. Istoriya. 2: 61-76. [in Russian]
- Timofeeva, 2012** – *Timofeeva, Yu.V.* (2012). Knizhnaya kul'tura sel'skogo naseleniya Zapadnoi Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [Book culture of the rural population of Western Siberia (late XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Sibprint. 193 p. [in Russian]
- Tsys', Tsys', 2011** – *Tsys', V.V., Tsys', O.P.* (2011). Obrazovanie i prosveshchenie na Severe Zapadnoi Sibiri v XIX – nachale XX vv. [Education and enlightenment in the North of Western Siberia in the XIX – early XX centuries]. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta. 305 p. [in Russian]
- Voitekhovskaya, 2011** – *Voitekhovskaya, M.P.* (2011). Razvitie nachal'nogo obrazovaniya v Zapadno-Sibirskom uchebnom okruge v svyazi s planami vvedeniya vseobshchego obucheniya [Development of primary education in the West Siberian Educational District in connection with plans to introduce universal education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 4(16): 134-140. [in Russian]
- Zvereva, 1983** – *Zvereva, K.E.* (1983). Gramotnost' krest'yanstva Zapadnoi Sibiri v period kapitalizma [Literacy of the peasantry of Western Siberia during the period of capitalism]. Obraz zhizni sibirskogo krest'yanstva perioda razlozheniya feodalizma i razvitiya kapitalizma. Novosibirsk: NGPI. Pp. 116-128. [in Russian]
- Zvereva, 1988** – *Zvereva, K.E.* (1988). Sovetskaya istoriografiya problemy prosveshcheniya krest'yanstva Sibiri epokhi kapitalizma [Soviet historiography of the Problem of Enlightenment of the Peasantry of Siberia in the Era of capitalism]. Khozyaistvennoe osvonenie Sibiri v period kapitalizma: istoriografiya problemy. Novosibirsk: Nauka. Pp. 171-190. [in Russian]
- Zvereva, 1992** – *Zvereva, K.E.* (1992). Vklad russkogo krest'yanstva v razvitie obrazovatel'nogo potentsiala Sibiri (1861–1914 gg.) [Contribution of the Russian peasantry to the development of the educational potential of Siberia (1861–1914)]. Kul'turnyi potentsial Sibiri v dosovetskii period. Novosibirsk: NGPI. Pp. 85-104. [in Russian]
- Zvereva, Zverev, 2013** – *Zvereva, K.E., Zverev, V.A.* (2013). Kak Sibir' uchilas' chitat': shkola, gramotnost' i kniga v russkoi derevne kontsa XIX – nachala XX veka [How Siberia learned to read: school, literacy and the book in the Russian village of the late XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: NGPU. 237 p. [in Russian]

Грамотность сельского населения Алтайского округа в предреволюционный период (на материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.)

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}, Дмитрий Николаевич Белянин ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве РФ, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе анализа материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. определяется уровень грамотности сельского населения Алтайского округа.

Массовое переселенческое движение в Сибирь являлось фактором, способствовавшим повышению уровня грамотности сельского населения региона. Но на этапе первоначальной адаптации на новых местах жительства уменьшалась возможность получения начального образования для детей мигрантов. Разрыв в уровне грамотности между мужчинами и женщинами сокращался в новых поколениях, но в крестьянской среде накануне революции 1917 г. все еще доминировали патриархальные представления о социальной роли женщин, в особенности в старожильческой деревне. Наиболее низкий уровень грамотности был характерен для группы бедняцких малопосевных хозяйств, а наивысший – для зажиточных крестьянских семей, активно втягивавшихся в товарно-денежные отношения под влиянием модернизационных процессов, происходивших в Российской империи в начале XX века. Беспосевные домохозяйства превосходили по уровню грамотности бедняцкие и середняцкие семьи из-за наличия в них относительно более грамотной ремесленно-торговой прослойки населения и лиц умственного труда. В целом грамотность сельского населения Алтайского округа находилась на уровне, характерном для начального этапа разложения традиционного общества.

Ключевые слова: грамотность, начальное образование, сельское население, крестьянство, база данных, сельскохозяйственная перепись, Алтайский округ, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)